



Ника Светлова

ЧИСТИЛЬЩИК

Ника Светлова

Чистильщик

<https://litres.ru/73836277>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где память можно резать, а чувства — продавать, чистильщик Алексей удаляет чужую боль за деньги. Но однажды он находит в воспоминаниях клиентки дыру — и тварь по прозвищу «моль», которая выедаёт связь между событием и эмоцией.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Чистильщик

Глава 1

Я не пью на работе. Первое правило.

Второе — никогда не смотреть в глаза клиенту, когда он рассказывает, что именно нужно вырезать.

Третье, самое важное: не забывать свой якорь.

Я не забывал его три года.

Мой якорь — запах мокрого асфальта и мамины руки. Мне четыре, мы идём из садика, только что прошёл дождь, и она сжимает мою ладонь так, что я чувствую каждую линию на её коже. Самое раннее воспоминание. За него я держусь, когда захожу в чужой ад.

Интерфейс называется «Полнота». Включается касанием точки за ухом — порт, который вживляют всем в тринадцать лет. Одновременно с паспортом и правом голосовать.

К порту подключаю проектор. Старый «Луч-2», переделанный под прямой контакт с мозгом. Гудит как холодильник в общаге, пахнет нагретым пластиком.

Этот запах — моя дверь в чужие воспоминания.

— Ложитесь, Ольга Андреевна.

Она моргает. Пятьдесят один год, бухгалтер, нос картошкой. Пришла по акции «Лёгкая чистка» — три тысячи за удаление одного незначительного эпизода. В карточке: «неудач-

ное свидание, унижение, хостел».

Смотрит на кушетку как на гильотину.

— Не больно?

— Воспоминания не болят. От них болит. Я убираю то, от чего болит.

— А вы не вырежете лишнего?

— У меня рейтинг 4,98.

Ложится. Зажмуривается. Шапочка с датчиками пахнет хлоркой и чужим потом сколько ни стерилизуй.

— Считайте до трёх.

— Раз. Два. Три.

Мир схлопывается.

Память встречает запахом борща и старых обоев.

Сначала запахи, потом звуки, потом картинка. Я стою в коридоре хрущёвки. Линолеум продавлен до дыр. Руки полупрозрачные, я здесь гость.

Интерфейс накладывается на память как старая киноплёнка: чёрно-белое с царапинами, звук дребезжит. Так я вижу чужие воспоминания. Так я знаю, где резать.

Нужный эпизод в гостиной. Ольга Андреевна сидит на диване в платье, которое молодит её на десять лет и врёт об этом каждой складкой. Напротив мужчина. Лица нет: глаза соседа, подбородок ведущего с ТВ, нос бывшего мужа. Мозг экономит силы — признак лёгкого заказа.

Мужчина говорит про «дешёвый хостел», про «не в моём вкусе», про «позорище». Ольга Андреевна плачет. Слезы в

чёрно-белом выглядят как ртуть.

Я достаю ножницы. Портновские, за двести рублей. В реальности не режут ничего. В памяти отделяют боль от человека.

И тут я замечаю дыру.

В углу, где стена переходит в потолок. Идеально круглая. Края оплавленные, без рваных волокон. Не инструмент. Не технология.

Я подхожу ближе. Дыра размером с кулак. Из неё не видно света, она не пропускает взгляд, а останавливает, как стена.

Но оттуда пахнет. Озон. И что-то сладкое, похоже на переспелые фрукты, гниющие изнутри. Я не заказывал этот запах. Интерфейс не передаёт запахи без настройки. Значит, запах идёт не от воспоминания.

Он идёт из дыры.

Я протягиваю руку. Край тёплый. Живой. Пульсирует.

Кто-то хватает меня за запястье.

Хватка не человеческая, нет дрожи мышц. Пять точек давления, распределённых с математической точностью. Дёргаю. Не отпускает. Дёргаю сильнее и вырываюсь, оставляя в дыре полоску кожи.

Выхожу за две секунды.

В реальности прошло четыре минуты.

Сижу мокрый от пота. На запястье пять красных точек по кругу. Идеальный круг. Кожа не порвана, но под ней что-то есть. Что-то серое.

Ольга Андреевна открывает глаза:

— Уже? А я ничего не почувствовала.

— Всё в порядке. Память чиста.

Она улыбается. Платит наличными. Уходит, оставив запах дешёвых духов.

Я сижу и смотрю на руку, пока пять точек не превращаются в пять синяков.

Проверяю старые заказы.

Семь часов без перерыва. Архив «Полноты» — кладбище чужих жизней, разбитое на секунды. Тридцать один клиент за месяц. У шести нахожу то же самое.

Дыры.

Только у тех, кто жаловался на «провалы в чувствах». Женщина, которая не могла вспомнить, почему разлюбила мужа. Мужчина, забывший, зачем ходил на могилу матери. Девушка, которая проснулась и не поняла, кто такой её лучший друг.

Звоню каждому.

— Вы не замечали, что перестали что-то чувствовать? Не забывать — именно перестали?

Женщина: «Я смотрю на него и вижу чужого. Знаю, что муж. Но внутри пустота. Как будто кто-то выключил свет».

Мужчина: «Я помню, что любил её. Помню, как пахла пирогами. Но когда пытаюсь вспомнить это чувство, то там ничего».

Девушка: «Он плакал, а я стояла и не чувствовала ничего. Знала, что должна плакать. Но не могла».

Выхожу на балкон покурить. Город внизу. У ларька пара — он держит её за руку, она смотрит сквозь него. В сквере мать качает ребёнка методично, без улыбки. Афиша обещает «Верни чувства за 5 сеансов» поверх старой рекламы «Новая память».

Рынок памяти — это индустрия с оборотом в триллион. «Мемори-Маркет» — это только вершина. Ниже биржи воспоминаний, где можно купить чужой выпускной или чужой первый поцелуй. Ещё ниже чёрный рынок, где продают боль. Самые дорогие лоты — смерть ребёнка и измена в день свадьбы. Люди платят за чужую трагедию, чтобы почувствовать хоть что-то. Потому что свои чувства они уже вырезали или продали.

Город привык к дырам. Обходит их как открытые люки. И только глаза у всех одинаковые чуть красные, с лопнувшими сосудами. Глаза людей, которые помнят, что должны что-то почувствовать, но не помнят что.

Затушил сигарету и вернулся.

Ложусь на кушетку. Подключаю проектор к себе.

Моя память — лабиринт, который я знаю наизусть. Вход: мокрый асфальт, мамины руки, четыре года. Дальше школа, первая любовь, похороны отца. Дальше Лена.

Лена.

Я останавливаюсь у входа в этот коридор каждый раз, ко-

гда подключаюсь к себе. Потому что знаю, что там внутри.

Мы познакомились в автобусе. Я ехал на первую чистку учебную, на труп, который согласился за деньги. Она сидела напротив и читала бумажную книгу. В 2049 году бумажную книгу. Я спросил: «Не боитесь, что память сотрёт сюжет раньше, чем вы дочитаете?» Она подняла глаза. Серые. Смеющиеся. «Тогда перечитаю заново. И каждый раз буду удивляться концовке».

Я полюбил её в ту секунду. Полюбил так, что этот момент стал вторым якорем.

Я зашёл к ней через неделю. Она снимала однушку на восьмом, без лифта. Дверь открыла в растянутой футболке с Чебурашкой и сказала: «У тебя лицо человека, который никогда не видел, как цветёт герань на балконе у сумасшедшей соседки. Заходи, покажу».

Мы сидели на старом диване, ели подгоревшие сырники и спорили о том, можно ли помнить запах человека отдельно от самого человека. Она говорила, что нельзя. Что запах — это всегда про всё сразу: про голос, про то, как человек поправляет волосы, про то, зачем он пришёл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.